

Трепет Сергей Алексеевич, Пхитиков Алим
Бесланович, Кудактин Анатолий Николаевич,
Дронова Наталья Александровна,
Рожнов Вячеслав Владимирович, Эрнандес-Бланко
Хосе Антонио, Чистополова Мария Дмитриевна,
Ячменникова Анна Андреевна,
Найденко Сергей Валериевич, Сорокин Павел
Александрович

ЛЕОПАРД (*PANTHERA PARDUS CISCAUCASICA*) НА ЗАПАДНОМ КАВКАЗЕ: ИСТОРИЧЕСКИЙ АРЕАЛ, ОПЫТ И ПЕРСПЕКТИВЫ ВОССТАНОВЛЕНИЯ

SergEi trEpEt, alim pkhitikov, aNatoLi KudaktiN, Natalia droNova, ViachEsIav roZhNov, Jose aNtoNio
heRNaNdeZ-BIaNco, Maria ChistopoIova, aNNa YachmENnikova, SErgEi NaidENko, pavEI SorokiN

PERSIAN LEOPARD (*PANTHERA PARDUS CISCAUCASICA*) IN WEST CAUCASUS: HISTORICAL NATURAL HABITAT, REINTRODUCTION EXPERIENCE AND PROSPECTS

Аннотация. В работе приведены сведения об историческом ареале переднеазиатского леопарда на Западном Кавказе, показаны результаты первого опыта реинтродукции подвида, а также рассмотрены дальнейшие возможности реализации программы восстановления леопарда на Западном Кавказе.

Ключевые слова: леопард, *Panthera pardus ciscaucasica*, Западный Кавказ, Кавказский заповедник, Сочинский национальный парк, Псебайский заказник, Уруп.

Abstract. The article lists data on the historical natural habitat of persian leopard in the West Caucasus; presents the results of the first experience of the subspecies' reintroduction; and dwells upon further possibilities of the implementation of the Program of reintroduction of leopards in the West Caucasus.

Key words: leopard, *Panthera pardus Ciscaucasica*, West Caucasus, Caucasus Natural Reserve, Sochi National Park, Psebai Wildlife Preserve, the Urup.

Переднеазиатский леопард (*Panthera pardus ciscaucasica* Satunin, 1914) является аборигенным представителем фауны Кавказа и сравнительно недавно имел здесь высокую численность и широкое распространение. Однако из-за повсеместного преследования ко второй половине XX века вид практически полностью исчез с территории Северного Кавказа и сохранился лишь в приграничных с Ираном районах Закавказья [1].

В 2005 – 2007 гг. была разработана специальная программа восстановления переднеазиатского леопарда на территории России [1], реализуемая с 2007 г. Министерством природных ресурсов и экологии Российской Федерации при участии Сочинского национального парка, Кавказского заповедника, Института проблем экологии и эволюции им А.Н. Северцова РАН, Московского зоопарка, WWF России и АНО «Центр природы Кавказа», а также при содействии Международного союза охраны природы (МСОП) и Европейской ассоциации зоопарков и аквариумов (ЕАЗА)».

В рамках реализации программы в 2009 г. в Сочинском национальном парке был построен специализированный питомник для разведения и подго-

товки леопардов к выпуску – Центр восстановления леопарда. В 2013 г. здесь родились первые котят, а в 2016 г. был осуществлён выпуск трёх особей леопарда в природные местообитания. В настоящей работе приведены сведения об историческом ареале леопарда на Западном Кавказе, показаны результаты первого опыта реинтродукции леопардов, а также рассмотрены дальнейшие возможности реализации программы восстановления леопарда на Западном Кавказе.

Исторический ареал леопарда на Западном Кавказе

До середины XIX века леопард был обычным зверем в горах Кавказа, известный местному населению под разными названиями (*леопард*, *барс* или *пантера* – у русских, *каплан* – у татар и черкесов, *алым* – у абхазцев, *вепхи* – у грузин) [2]. Он встречался практически повсеместно, где контакт с людьми был минимален.

Одно из первых документированных сведений о присутствии леопарда на территории Западного Кавказа появилось вскоре после присоединения Карачая к России (1834 г.). Для укрепления связей с горцами были организованы специальные ярмарки, куда местное население привозило свои изделия для продажи и обмена. Все сделки фиксировались в специальных «*Ведомостях вещей, продуктов, обмененных на соль у горцев Баталпаинского менового двора*». Наряду с товарами народного производства, сюда же привозили шкуры добытых диких животных. Так, на ярмарке, проходившей 23 апреля 1848 г. на этом меновом дворе, горцы из Учкуланского ущелья привезли 5 барсовых шкур и получили за них 100 рублей серебром, то есть 20 рублей серебром за одну шкуру, тогда как за медвежью, волчью и лисью выплачивали всего один рубль. Через два года, в 1850 году, на этой же ярмарке уже было продано 10 шкур леопарда на общую сумму 200 рублей серебром [3].

В 1870 г. член Русского географического общества Николай Григорьевич Петрусович в своей заметке «Борьба с леопардом» привёл сведения о добыче хищника, забравшегося в конюшню карачаевца Исмаил-Бегеюл-Улы, проживавшего в урочище Чилмас в долине Уллукама [4].

Известный естествоиспытатель Северного Кавказа Николай Яковлевич Динник [2], приво-

дя сведения о распространении леопарда в конце XIX – начале XX века, отмечал, что: «Пантера распространена в пределах Кавказа на очень обширном пространстве и встречается всюду, где есть большие леса, густые заросли, труднодоступные скалы, а самое главное – необходимая для этого хищника пища, состоящая по преимуществу из более или менее крупных животных, каковы олени, серны, безоаровые козлы, дикие козы, дикие свиньи и т. д. Вовсе не встречается пантера только на обширных степных равнинах или там, где население очень густо и в то же время нет глухих и труднодоступных для человека мест, которые могли бы служить пантере надёжным убежищем. К таким местам принадлежит, например, более или менее лесистые предгорья Кубанской и Терской областей. Что касается высоких гор Кубанской области, покрытых большими лесами, то там пантера живёт почти всюду и распространяется за 44 с. ш., попадая изредка к северу от Фишта и Оштена (недалеко от Самурской станицы), около Елисаветпольского посёлка и т. д. К северу от Абаго в 1895 году я видел в один день двух пантер, а на горах между Кишей и Уруштеном в 1907 году в течение двух дней три раза слышал рёв их среди дня. Выше Псебая, в районе Кубанской Великокняжеской охоты, прежде пантеры попадались довольно часто. В 1894 или 1895 году там, верстах в двух ниже впадения Умпыря в Лабу, были отравлены две пантеры, причём отравленное мясо было положено на кладки (лёгкий мостик из 2 – 3 брёвен, перекинутых лесопромышленниками через речку). Одна из этих пантер была найдена на самой кладке, а другая в нескольких шагах от неё на берегу речки. В 1896 году в той же местности было отравлено три пантеры: старая самка и два молодых самца (вероятно, её дети), ростом почти с самку. Отравились они свиной, начинённой стрихнином; при этом один из самцов свалился у самой отравы, самка в четырёх шагах от неё. А другой самец шагах в десяти. Все они были очень жирные и имели под кожей толстый слой белого, как снег, сала. Очевидно, жились им в этой местности, богатой дичью, очень недурно. В этом же году четвёртая пантера была убита двумя егерями в верховьях Киши. В 1897 и 1898 гг. в районе Кубанской охоты было добыто ещё 4 пантеры: одна поймана в капкан, две застрелены и одна отравлена. Вообще, за четыре года здесь было унич-

тожено одиннадцать пантер. Приблизительно в то же время стреляли по пантерам на горе Маркопидж, в верховьях Сахрая и на Пшекише; кроме того, мне и многим егерям приходилось слышать неоднократно рёв одной пантеры в 1896 году зимою во время моего пребывания в верховьях реки Андрюка.

В 1904 году одна пантера была отравлена в верховьях Киши и приблизительно в то же время другая поймана в капкан в ущелье М. Лабы... Убивали пантер неоднократно в больших лесах верховьев Урупа, впадающего в Кубань, где, по словам лесничего О.В. Шветыша, пастухи видят пантер довольно часто. Во время моего пребывания в верховьях Теберды бывший со мной охотник стрелял по пантере, ранил её, но она ушла в скалы и скрылась. В Карачае «каплана» знают почти все, даже не охотники».

Действительно, в пределах Карачая кости леопарда, как указывает Юрий Александрович Пензиков [5], находили во многих пещерах Скалистого хребта, в частности, на горе Барануха. На левобережье речки Мара, притока Кубани, есть даже пещера, известная у карачаевцев под названием Каплан-Дорбун. Что буквально переводится как «пещера леопардов», а по смыслу «жилище, обиталище леопардов».

«В Терской области и в Дагестане пантеры встречаются во многих местах, но сравнительно редко, – продолжает Динник. – Впрочем в лесистых и богатых дичью местах верховьев Аварского Койсу они попадаются чаще. Встречали пантер и в Грозненском округе, где, как сообщает Г.И. Радде, зимою 1881 – 1882 г. пантерой был растерзан в лесу человек. Однажды пантера была убита недалеко от Евдокимовского укрепления на р. Аргун.

В Черноморской губернии пантеры не представляют особой редкости. В окрестностях пос. Весёлого (недалеко от Адлера) рёв их, как говорили мне, можно слышать довольно часто... Встречали пантер также около Туапсе; вероятно, они заходят ещё несколько дальше на запад, где есть ещё большие леса, но около Новороссийска и Анапы их уже нет вовсе... В Кутаисской губернии, а в особенности, в более южных частях Закавказья пантеры попадают значительно чаще. Их встречали в долине Бзыби, на горах между Рионом и Курюю и вблизи

берегов Чёрного моря. Ещё чаще попадаются они в долине Алазани и соседних с нею местах, например, около Нухи, Закатал и Лагодех. Несколько раз отравляли пантер в Боржомском охотничьем парке, убивали в Карабахе, в ущелье Аракса, и особенно часто на склонах Талышского хребта и на Ленкоранской низменности» [2, стр. 525 – 527].

Насколько обычен был леопард в окрестностях Ленкорани можно судить по сведениям, представленным Г.И. Радде, который, будучи здесь в 1860-х гг. и назначив «порядочные деньги» за свежую шкуру леопарда, собрал 12 штук за 7 недель [2].

Данные Динника о распространении леопарда к западу от р. Большая Лаба дополняют опросные сведения, собранные Андреем Александровичем Насимовичем [6, 7] – сведения от охотников и старожилов селений, прилегающих к территории Кавказского заповедника, организованного в 1924 г. на месте Великокняжеской Кубанской охоты.

«Старый псебайский охотник А.А. Ткачёв сообщил мне, что в начале 1900-х гг. в продолжение целой зимы нередко слышали рёв барса в самых низовьях Бескеса. К востоку от этого района в Карачае барсы отмечались неоднократно... В бассейне М. Лабы и Уруштена барсы встречались во многих районах, но больше всего их было, по-видимому, на хребтах Б. и М. Балканы между урочищами Умпырь и Затишье... В начале 1900-х гг., по словам А.П. Онешко, барса встречали в самых низовьях Уруштена под г. Трюю. Около 1903 г. А.А. Ткачёв стрелял барса в Никитинской балке у г. Лысой... По словам К.Н. Россикова, в 80-х годах прошлого столетия даховским охотником был убит барс на г. Дудугуш. Около 1895 г. егерь А.В. Телеусов стрелял барса под горой Слесарня. В 1908 г. егерь Ермоленко стрелял барса на Пшекише. С тех пор это место называется местным населением «Пантериный бугор». По словам старого хамышинского охотника И.Е. Николаева, около 1905 г. слышали рёв барса между горами Оштен и Гузерицы, а несколькими годами позже видели барса под горой Нагой-Кош. По словам Г.И. Бессонного, в 1913 – 1914 годах егерь Гукалов неоднократно слышал рёв барса в верховьях Молчепы. Можно упомянуть ещё, что в начале этого века княжеские егеря нашли старое логово барса на отрогах горы Аспидной неподалёку от лагеря Сенного... По словам П.Г. Нищенко, наблюдателя Хос-

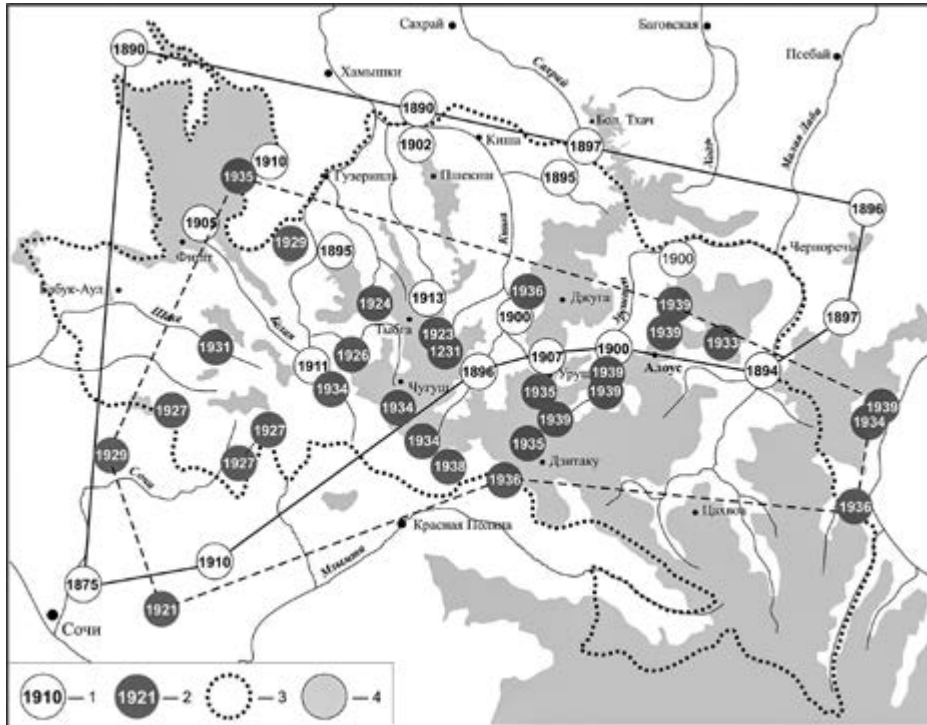

Рис. 1. Места встреч леопарда на территории Кавказского заповедника и в его окрестностях: 1 – до 1920 г., 2 – после 1920 г., 3 – граница заповедника, 4 – нелесная территория (из архива Кавказского заповедника)

тинского участка заповедника, в прошлом барсы не были редкостью в верховьях реки Хоста».

Все эти данные позволили Насимовичу в 1934 г. нарисовать схему встреч леопарда, в 1940 г. дополненную И.В. Жарковым (рис. 1).

Из этой схемы видно, что леопард наиболее часто встречался в глухих труднодоступных для человека горных районах, где сохранились крупные группировки копытных. Эта труднодоступность и безлюдье обеспечивали относительное благополучие популяции леопарда до конца XIX века. Как пишет Динник, «...до того времени, как горы в верховьях р. Белой и Лабы не были арендованы сначала Великими Князьями Георгием Михайловичем и Петром Николаевичем, а затем и Сергеем Михайловичем, о пантерах в этих местах почти ничего не было слышно; теперь же, когда там стали серьёзно заниматься истреблением хищников, пантер убивают и отравляют почти ежегодно» [8, стр. 7].

Возможность преследовать хищника в течение всего года и назначенная для егерей Кубанской охоты награда в 25 рублей привели к тому, что количество леопардов здесь стало заметно сокращаться. В 1905 и 1906 гг. в этом районе не было добыто ни одного леопарда, и, как отмечал Динник, уже к этому времени леопарды здесь стали очень редки. Ситуация ещё более ухудшилась с истреблением в местообитаниях леопарда его жертв – копытных, в период с момента окончания аренды территории Кубанской охоты в 1909 г. и вплоть до организации Кавказского заповедника в 1924 г. Насимович указывал, что ещё в 1930 г. вопрос о существовании леопарда в заповеднике казался сомнительным. По всей видимости, похожая ситуация складывалась и в других участках ареала леопарда на Кавказе: зверя повсюду преследовали.

Тем не менее упоминания о встречах следов леопарда или самих животных в 1930-х гг. ещё довольно многочисленны. «В 1934 г. барса видели на

Чугуше и Ассаре (Маевский). Зимой 1934 г. я, – писал Насимович, – видел следы барса по среднему течению реки Берёзовой. Животное перешло вброд речку, направляясь с Чугуша на Чуру... Начиная с осени 1933 г. всё упорнее делаются разговоры о появлении барса в окрестностях с. Сахрай. Следы и рёв барса в этом районе отмечались на Лычевой балке, в верховьях Сахрая, у г. Слесарня, на р. Куна... Весной 1935 г. очень крупные экскременты, состоящие из шесрти оленей и щетины кабанов, по-видимому, принадлежащие барсу, были отмечены в окрестностях лагеря Сенного.

Многие показания опытных охотников (Нищенко, Милешко, П.Х. Стойко и др.) говорят за то, что на черноморском склоне Главного хребта барс сохранился. Так, в 1926 г. слышали рёв барса между реками Хоста и Агура. В 1928 г. барса видели у с. Ажек, а годом позже, по словам Нищенко, два барса было добыто около селения Ореховая Поляна. Неоднократно отмечался барс около селения Воронцовка. В 1927–1929 гг. барса видели в верховьях реки Сочи на хребте Игош и Амуко. В 1931 г. барс отмечен в верховьях Головинки. Летом 1934 г. барс отмечен в Хостинском филиале Кавказского заповедника. Нищенко указывает, что и для Туапсинского района известен ряд случаев встречи барса (сел. Ильминовка и Якорная Щель)».

Реже леопарды отмечались в восточной части Кавказского заповедника: «Зимой 1933–1934 гг. следы барса видел А.А. Ткачев в районе Б. Лабы... Возможно, этот барс зашёл сюда с востока из долины Архыза. В 1933 г. Зеленчукский атаман прислал в Кавказский заповедник сообщение о том, что в их районе появился барс. Позже мне стало известно, что этого барса несколько дней преследовали, причём животное через Пхию ушло в долину Загедан, где скрылись его следы».

Владислав Андреевич Котов и Лев Серафимович Рябов [9] сделали обзор встреч леопарда на территории Краснодарского края с 1936 по 1960 г. В 1936 г. случился, по-видимому, один из немногих, возможно, единственный документированный случай нападения леопарда на человека. «По сообщению местной газеты «Сталинец» от 18 ноября 1936 г. в Рязанском районе был разорван Пасечниченко. Позднее леопард напал на четырёх жителей хутора Авиация и сильно поранил их» [9, с. 101]. В 1937 г.

леопард отмечен в Западном отделе заповедника, неоднократно слышали рёв на лугах Лагонаки. В 1938 г. леопарда несколько раз отмечали на г. Ассара, в верховьях реки Бзыч, на г. Амуко; в 1939 г. – в верховьях реки Уруштен, в долине Закана, в окрестностях кордона Карапырь, в Мастаканской долине и на Нижних Алоусских полянах. В 1940-х гг. леопарды были зафиксированы на Чугуше, в верховьях Шахе и Киши, на Оленьем хребте. В 1950 г. хищник продолжительное время держался в окрестностях поселка Бабук-аул и в течение лета убил 8 собак. В 1956 г. леопарда стреляли в верховьях Бзыча, а охотник П. Ловецкий в этом же году убил леопарда в посёлке Лазаревское из окна своего дома [9]. В 1968 г. Ксения Юрьевна Голгофская (личное сообщение) слышала рёв леопарда на хребте Порт-Артур.

Что касается территории Карачая, Юрий Александрович Пензиков, собрав имеющиеся факты [5], указывает на то, что до конца 30-х гг. леопард был обычен по долинам рек Закан, Дамхурц, Макара, Уруп. В 1937 году, недалеко от указанных мест егерем Черёмуховского заказника на солонце был добыт самец леопарда весом чуть более 60 кг, а в 1940–1941 гг. леопарда здесь добыл председатель Загеданского поселкового совета. В 1948 году в междуречье Лабы и Урупа постоянно жили два или три леопарда. Один из них регулярно подходил к посёлку Псемен, часто навещал бараки лесорубов на лесных делянках, где нападал на собак и угаскивал их. В урочище Учкулан-Ичи 3 июля 1981 года три леопарда размерами с небольшого волка, напали на отару овец. При этом двух пастухов хищники подпустили на тридцать метров и только после выстрелов убежали, оставив разорванных овец. Вероятно, здесь речь шла о самке с котятми уже в возрасте более года. Спустя четыре месяца в урочище Покун-Сырт, находящемся между реками Кума и Подкумок, местный пастух неоднократно наблюдал молодого леопарда (Пензиков, 1983).

Из этого обзора видно, что в послевоенное время встречи леопарда становятся все более и более редкими, а в последние десятилетия и вовсе единичными. Малочисленная сохранившаяся группировка, по-видимому, была обречена на вымирание из-за действия факторов демографической неопределённости [10].

Вероятно, последним достоверным фактом присутствия леопарда в Кавказском заповеднике

является свидетельство Т.В. Акатовой (личное сообщение), слышавшей рёв в долине Б. Сахрая с перевала между Большим и Малым Тхачем в 1991 г. А.Н. Кудактин [11] приводит факты встречи следов леопарда в июне 1995 г. на склоне горы Перевальной, в июле того же года – в соседнем урочище Псеашхо, в мае 1997 г. – на склоне хребта Дзитаку, однако они не подтверждены фотографиями. В Карачаево-Черкесии У.А. Семёнов [12] указывает на факт находки черепа молодого леопарда в Махарском ущелье в 1999 г. и на случай нападения леопарда на пастушью собаку и овцу в верховьях реки Уллу-Ёзен, близ перевала Азау в 2001 г. За исключением этого случая, в XXI веке достоверных фактов встреч леопарда или следов его жизнедеятельности в горах Западного Кавказа не было.

Выбор места выпуска

Ещё на начальных этапах разработки программы реинтродукции леопарда выпуск зверей в дикую природу предполагалось проводить на территории Кавказского заповедника. Выбор района был связан с политической стабильностью региона и наличием здесь развитой сети особо охраняемых природных территорий (ООПТ). Кроме того, в прошлом этот район из-за безлюдности и обилия жертв являлся одним из самых значимых в пространственной структуре популяции леопарда на Кавказе.

Кавказский заповедник и примыкающий к нему с юга Сочинский национальный парк вместе составляют более 50% площади всех ООПТ Западного и Центрального Кавказа. В непосредственной близости находится также Ричинский реликтовый национальный парк. Все они компактно расположены вдоль Главного Кавказского хребта, и, в основном, представляют собой труднодоступные высокогорные территории, слабо затронутые деятельностью человека. Значительные площади предгорных лесов, примыкающих к Кавказскому заповеднику с севера, входят в региональную сеть ООПТ: Урупский и Псебайский заказники, природный парк «Большой Тхач», памятники природы «Хребет Буйный», «Верховье р. Цице», «Верховье рек Пшеха и Пшихашха», часть которых вместе с Кавказским заповедником включены в Список Всемирного природного наследия ЮНЕСКО (номинация «Западный Кавказ», 1999 г.).

Режим особой охраны и относительная труднодоступность обширных (около 400 тыс. га) горных и предгорных пространств на протяжении длительного времени обеспечивали сохранение высокой численности диких копытных и равновесного соотношения в системе копытные – хищники. В настоящее время здесь обитают крупнейшие на Кавказе популяции копытных – потенциальных жертв леопарда. Численность благородного оленя в Кавказском заповеднике достигает 1700, серны – 1500, тура – 3500, косули (с сопредельными территориями) – 600 – 700 особей. Происходит постепенное восстановление популяции кабана после эпизоотии африканской чумы свиней 2012 г.: его численность в исследуемом районе в настоящее время может достигать 400 – 450 особей, и, судя по возрастной и половой структуре наблюдаемых животных, имеются перспективы восстановления численности популяции до оптимального уровня для территории заповедника (1500 – 2000 ос.).

Первый выпуск в природные местообитания леопардов, родившихся и подготовленных в Центре восстановления, был осуществлён 15 июля 2016 г. в Восточном отделе Кавказского заповедника на склоне г. Ахцархва (южный отрог массива Ятыргварта, долина реки Ачипста) (рис. 2). Были выпущены три особи: самка Виктория и самцы Ахун и Килли.

Результаты мониторинга леопардов

Перед выпуском в природу леопарды были снабжены ошейниками с GPS приёмником и возможностью спутниковой передачи данных. Регулярное поступление информации в течение суток позволяло отметить места, где животные задерживались на продолжительное время. Предполагалось, что хищник в этот период с высокой долей вероятности совершил удачную охоту и находился около своей добычи. Одной из основных задач специальной созданной группы полевого мониторинга являлась проверка этих районов.

За время действия спутниковых передатчиков (около полутора лет) наиболее полная информация о жизнедеятельности леопардов, позволившая оценить их адаптацию к жизни в природе, была получена только для двух животных: самки Виктории и самца Килли. Третий леопард, самец Ахун, через

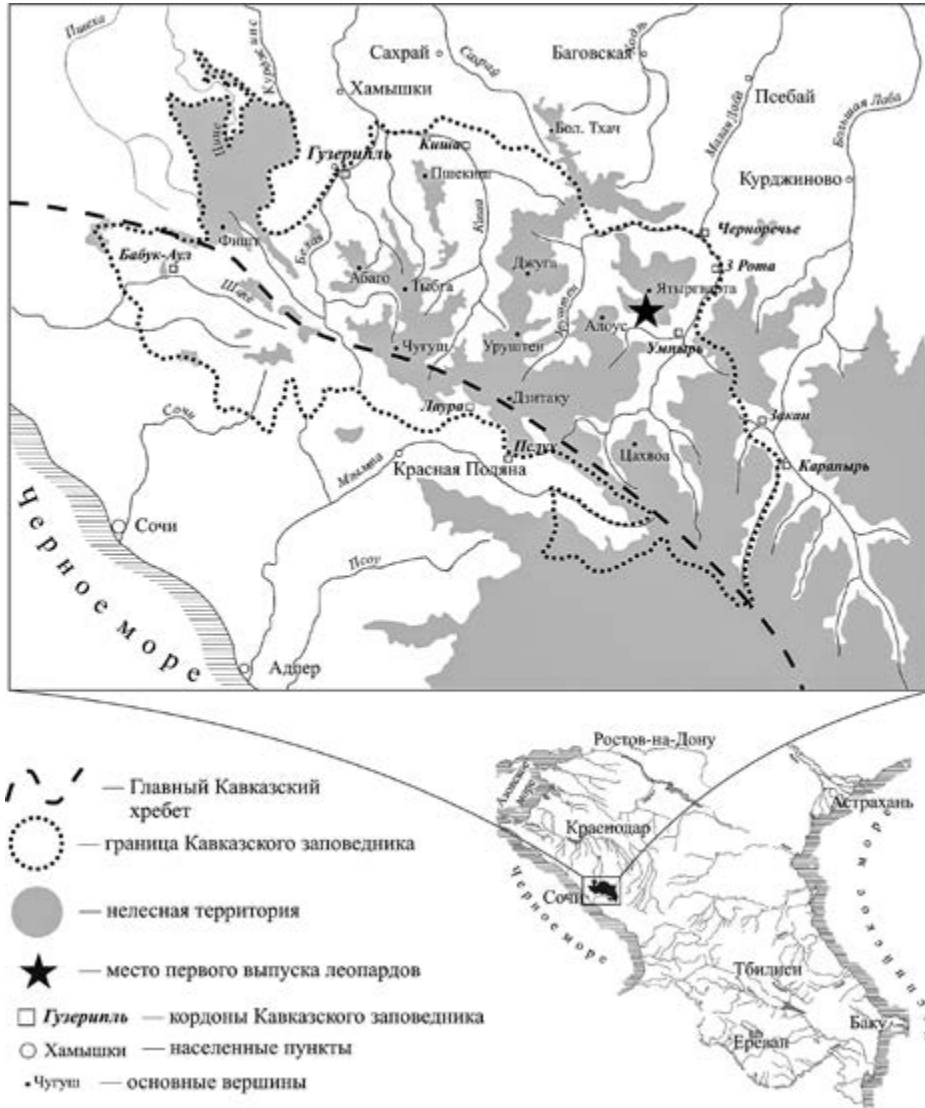

Рис. 2. Место выпуска леопардов (показано с учётом положения в горной системе Кавказа и относительно границ заповедника)

месяц после выпуска лишился ошейника. Впоследствии он ещё два раза попадался в объективы фотоловушек, установленных на территории заповедника также для сбора информации о леопардах.

Освоение новых местообитаний. За период с 15 июля 2016 г. по 21 июня 2017 г. ошейник Виктории передал 3540 локаций. За это время Виктория совершила только два прохода за пределы хорошо освоенного участка в окрестностях района выпуска

(рис. 3). Первый (около 10 км от места выпуска) – в долину реки Ачипста по хребту Старый Алоус (была добыта одна жертва) и второй (около 40 км от места выпуска) – в долину реки Киша через территорию Псебайского заказника (две жертвы). Оба прохода были непродолжительны и заканчивались возвращением на массив Ахцархва-Балканы. Именно здесь, на относительно небольшом участке площадью около 3 тыс. га, Виктория провела большую

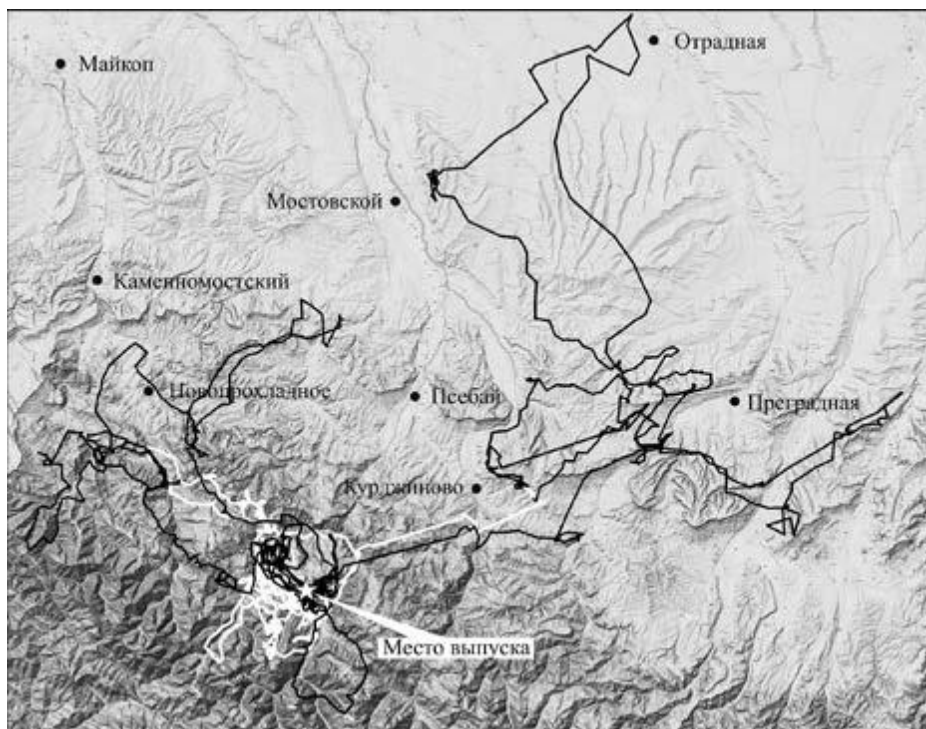

Рис. 3. Перемещения Виктории (белая кривая) и Килли (чёрная кривая)

часть зимы и весну 2017 г. В начале июня 2017 г. самка покинула этот район и за короткое время прошла вниз по р. Малая Лаба, перешла её, пересекла территорию охотхозяйства «Соленовское» в районе г. Хацавита и спустилась в предгорные районы в бассейне р. Большой Лабы, где в окрестностях п. Псемен передатчик ошейника перестал передавать сигналы.

География освоения местообитаний самцом Килли оказалась гораздо более широкой. Первые 4 месяца Килли не выходил за пределы горного массива Трю-Ятыргварта, хотя и предпринимал короткие по времени и расстоянию экскурсии (не длиннее 15 – 20 км). Но, перейдя в середине ноября 2016 г. р. Уруштен в районе Бурьянистого хребта, Килли стал последовательно осваивать местообитания в бассейне р. Белой. Лишь однажды он задержался на относительно продолжительное время на хребте Сосняки. Последующие его перемещения составили сплошную цепочку новых мест: долина Сахрая, бассейн р. Ходзь, массив Дамхурц и, нако-

нец, между 7 и 20 апреля 2017 г. Килли перешёл реки Малую и Большую Лабу и оказался в предгорьях на водоразделе рек Большая Лаба и Уруп. Здесь Килли предпринял сравнительно далекие проходы на север (около 110 км), в степные районы Отраденского района Краснодарского края, и на восток (около 100 км) – в Урупский район Карачаево-Черкесии. Последние несколько недель перед сбросом ошейника Килли жил и успешно охотился на косуль в предгорьях северо-восточнее селения Курджиново. За период наблюдения леопард несколько раз находился в непосредственной близости от населённых пунктов, однако избегал контакта с человеком и домашними животными.

Площадь, освоенная Килли за 11 месяцев после выпуска, оказалась примерно в 9 раз больше, чем площадь, освоенная за тот же период Викторией [13].

Питание. Обследование кластеров локаций Виктории и Килли позволили выяснить видовой состав жертв леопардов, а также особенности их

взаимоотношений со «старыми хозяевами гор» – медведем и волком. За весь период наблюдений у Виктории зафиксирован 31 кластер, на 19 из них найдены останки жертв, на 5 не подтверждён факт успешной охоты, и 6 кластеров не были проверены из-за их труднодоступности. Один из кластеров самка посещала три раза с разницей в 1 – 2 месяца.

У Килли зарегистрировано 35 кластеров, из которых в ходе полевых проверок останки жертв были обнаружены на 18, 6 – не подтверждены, 11 не были проверены из-за труднодоступности.

Леопарды успешно охотятся практически на все виды диких копытных, кроме того, отмечены случаи успешной охоты на хищников: в числе жертв были волк и лесной кот. И у самца, и у самки наиболее частой добычей являлись благородные олени: 9 у Виктории и 5 у Килли. Один раз жертвой леопарда (самца) стал зубрёнок сеголеток.

Конкурентные взаимодействия с медведями (наличие самих животных, помёта, следов волока или закапывания) отмечены на 4 кластерах у Виктории; ещё на одном кластере медведи пришли к останкам жертвы уже после того, как самка покинула место добычи, почти полностью её съев. Подобные отношения с медведем у Килли отмечены на 5 кластерах. То есть число конкурентных взаимодействий с медведем у обоих леопардов также оказалось сходным.

Перспективы восстановления леопарда в пределах исторического ареала

Для оценки перспектив продолжения программы реинтродукции леопарда на Западном Кавказе был осуществлён общий анализ территории на основании имеющихся данных (численности и распределения копытных по территории, защитных свойств местности и доступности рельефа, степени антропогенного присутствия и т. д.). В зависимости от сочетания указанных факторов осуществлялась градация пригодности местообитаний для расселения леопарда. Так, к категории заведомо непригодных или малопригодных для программы восстановления леопарда участков были отнесены населённые пункты и зоны отчуждения вокруг них радиусом от нескольких сотен метров до нескольких километров в зависимости от величины населённого пункта, зоны курортного строительства и

горно-пешеходного туризма. К числу непригодных отнесены безлесные равнинные или холмистые районы предгорий.

Оптимальными территориями для программы являются районы с высокой численностью локальных группировок копытных-жертв леопарда и минимальным антропогенным влиянием в сочетании с благоприятными ландшафтными условиями. В такие местообитания расселение леопарда можно проводить уже сейчас. Перспективными считались участки, в пределах которых предварительно требуется оптимизация природопользования и увеличение численности группировок жертв леопарда. Под субоптимальными подразумевались участки сезонного, а не круглогодичного обитания леопарда.

Итак, *оптимальными* для программы восстановления леопарда на Западном Кавказе являются центральные районы Кавказского заповедника (рис. 4, А). Здесь возможно осуществить повторный выпуск нескольких особей леопарда, а перспективы создания жизнеспособного ядра новой группировки леопарда вполне реальны. В пределах этого участка можно выделить три района, где возможен непосредственный выпуск леопардов:

- Матаканская долина и Матаканский хребет, горы Алоус, Ахцархва, Ятыргварта, долина реки Ачипста, хребет Старый Алоус. Здесь был осуществлён первый выпуск.
- Гора Джуга, Бурьянистый хребет, Аспидный хребет, гора Уруштен, долины рек Грустная и Аспидная.
- Массив Абаго-Атамажи, долина реки Чессу, горы Чугуш (северные склоны), Тыбга, Джемарук.

Однако следует сказать, что ёмкость территории заповедника для копытных за последние 20 лет существенно снижена в результате антропогенного влияния. У границ заповедника продолжают масштабное промышленное и дорожное строительство и рубки лесов, а в самом заповеднике с каждым годом увеличивается собственная туристическая активность. Кавказский заповедник, ещё совсем недавно по всему периметру имевший экологически родственное окружение, выполняющее буферные функции, превратился в изолят, в котором постепенно проявляются кратковременные и долговременные эффекты инсультации [14]. Все это,

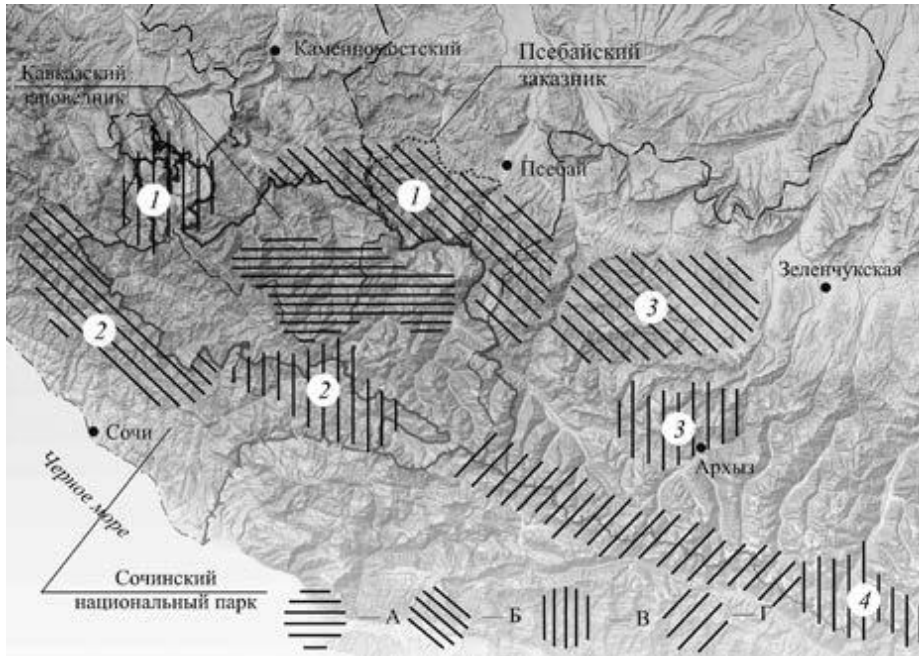

Рис. 4. Оптимальные (А), перспективные (Б), непригодные (В) и субоптимальные (Г) для программы восстановления леопарда участки на Западном Кавказе (пояснения в тексте)

безусловно, ставит под угрозу существование жизнеспособных популяций копытных и крупных хищников. Например, в настоящее время на фоне восстановления локальных группировок копытных в центральных районах заповедника продолжается разрушение некоторых локальных группировок на периферии. В случае с оленем такая тенденция уже привела к уменьшению его ареала на южных границах в пределах Краснодарского края [15]. С точки зрения равновесия в системе «волк – копытные» в Кавказском заповеднике функционирование экосистем в настоящее время близко к естественному не более чем на 1/2 его территории [16]. За более чем четверть века нахождения Лагонакского нагорья в составе заповедника (с 1992 г.) локальная группировка серны здесь практически не меняет своей численности, сохраняясь на минимальном уровне (около 100 особей), хотя ёмкость этого района составляет не менее 1500 особей [17]. Всё это свидетельствует о невозможности существования равновесных природных систем в современных условиях даже на такой крупной (270 тыс. га) федеральной особо охраняемой природной территории.

Непригодными для программы восстановления леопарда следует считать: 1) Лагонакское нагорье, 2) участок долины Мзымты, 3) хребет Абишира-Ахуба, 4) истоки Теберды (Алибек, Аманауз, Домбай-Ульген, Гоначхир), вовлечённые в активную туристическую деятельность и масштабное курортное строительство (показаны на рис. 4, Б). Антропогенные изменения этих территорий уже необратимы. Главная угроза целям программы восстановления леопарда заключается в возможном расширении зоны строительства горнолыжных курортов «Роза-Хутор» и «Газпром» в направлении верховий Уруштена, Мзымты и Малой Лабы – оптимальных участков для обитания леопарда и его жертв. Непригодными для программы следует считать также истоки Псоу, где потенциально высокая опасность браконьерства.

Перспективными для программы восстановления леопарда являются периферийные районы Кавказского заповедника, а за его пределами: 1) лесные предгорья, примыкающие к северной границе заповедника; 2) верховья Сочи, Бзыча, Шахе и Псеуапсе в пределах Сочинского национального парка; 3) верховья Урупа (показаны на рис. 4, В).

Сопредельные с заповедником северные предгорья в верховьях Куны, Сахрая, Ходзя, Бугунжи, Бескеса представляют большой интерес для развития программы восстановления леопарда в силу ряда причин. Так, выпущенные леопарды уже освоили эти районы. При этом предгорья обладают огромным потенциалом для обитания копытных. Малоснежность и большие площади зарастающих вырубок, обилие полян делают эти места весьма благоприятным зимовочным районом для оленя, косули и кабана. Эти лесные массивы пока не входят в зону промышленного и рекреационного освоения, дорожного строительства и т.д., отсутствуют и долгосрочные планы таких мероприятий, и поэтому перспективы сохранения его природных комплексов, по крайней мере, в их современном состоянии, достаточно велики. Немаловажно, что некоторые участки имеют статус региональных особо охраняемых природных территорий (природный парк «Большой Тхач», Псебайский заказник), а хозяйственная деятельность здесь минимальна и ограничивается преимущественно окрестностями населённых пунктов. Рекреационная нагрузка также невелика и сконцентрирована в основном на одной нитке туристического маршрута вдоль осевой линии Тхач – Чёртовы Ворота – Агиге – Малый Бамбак.

Основная проблема этих территорий – практически полное отсутствие какого-либо управления со стороны землепользователей и администраций ООПТ. Главное следствие – продолжающаяся деградация популяций копытных. Локальные группировки копытных здесь были уничтожены ещё в 1990-х годах, однако их восстановление не происходит. По-видимому, единственной альтернативой существующей ситуации является повышение природоохранного статуса этих ООПТ, и, как частная проблема, – оптимизация их площади и конфигурации границ.

Верховья Сочи, Бзыча, Шахе и Псезуапсе относительно труднодоступны для человека и практически недоступны для автотранспорта (за исключением подъезда к горе Ауль). Выпас небольшого количества лошадей производится только на г. Семглавой. Практикуется свободный выпас скота в окрестностях населённых пунктов. Наиболее высокие участки этого района являются субоптималь-

ными для леопарда по высоте снежного покрова и пригодны лишь для летнего обитания. Динамика снежного покрова может создать условия, при которых леопард начнёт осваивать новые территории, двигаясь в самых неожиданных направлениях. С другой стороны, низкогорные участки населены и продолжают осваиваться человеком. Таким образом, сочетание густой, вечнозелёной растительности среднегорий и сильно изрезанный рельеф создают оптимальные условия защищённости для леопарда, но близость к населённым пунктам может спровоцировать конфликты с человеком, которые будут обостряться в зимний и ранневесенний периоды. На территории Сочинского национального парка необходимо проведение комплекса мероприятий, направленных на восстановление популяций копытных, а также усиления режима охраны. В этих местах следует воздержаться от всех видов охоты, поскольку применяемые способы законной и незаконной охоты содержат повышенные риски как для леопарда, так и для охотников.

Верховья р. Уруп имеют те же преимущества для обитания леопарда, что и северные предгорья Кавказского заповедника, но к недостаткам здесь добавляется высокая пастбищная нагрузка и отсутствие каких-либо ООПТ. Для включения этого района в программу восстановления леопарда необходимо увеличение численности локальных группировок копытных, что невозможно без полного запрещения охоты и организации региональной ООПТ в статусе заказника.

Субоптимальные для леопарда местообитания расположены на Главном Кавказском хребте, начиная от истоков Большой Лабы (верховья Дамхурца, Мамхурца, Макеры, Санчаро, Большой Лабы) и далее на юго-восток, включая верховья Псыша, Кизгича, Марухи, Аксаута, а также все истоки Учкулана и Кубани (рис. 4, Г). Эти районы могут иметь значение для леопарда лишь как зона транзита, расселения и только в бесснежный период.

Заключение

Исторический ареал леопарда на Западном Кавказе в целом сохранил свой потенциал для восстановления подвида благодаря более чем 90-летнему режиму особой охраны территории Кавказского заповедника. Восстановление локальных групп-

ровок копытных в перспективных для программы районах возможно в относительно короткий срок при условии запрета охоты и организации охраны территории. Предгорья вдоль северной периферии Кавказского заповедника могли бы находиться в оперативном управлении заповедника, а в верховьях Урупа целесообразно учредить комплексный заказник.

Полученные в ходе наблюдений за выпущенными в 2016 г. леопардами данные позволяют говорить о том, что первый опыт выпуска леопардов в дикую природу является успешным и есть возможность достичь восстановления естественной самодостаточной группировки леопарда в условиях гор Северного Кавказа. Накопленный к настоящему времени опыт является очень ценным для дальнейшего продолжения программы восстановления леопарда на Кавказе.

Литература

1. Рожнов В.В., Лукаревский В.С. Программа по восстановлению (реинтродукции) переднеазиатского леопарда на Кавказе. М.: ИПЭЭ РАН, 2008. 65 с.
2. Динник Н.Я. Рыси и пантеры в горах Западного Кавказа // Природа и охота. Кн. 2. 1898. С. 1 – 10.
3. Семёнов У.А. Биологический мониторинг в Карачаево-Черкесии: Методические рекомендации по организации и ведению // Труды Тебердинского заповедника. Выпуск 33. М.: Илекса, 2003. 164 с.
4. Петрусевич Н.Г. Борьба с леопардом // Сборник сведений о кавказских горцах. Вып. IV. Тифлис, 1870. С. 87 – 90.
5. Пензиков Ю.А. На звериных тропах. Черкесск: Ставропольское книжное издательство, Карачаево-Черкесское отделение, 1983. 245 с.
6. Насимович А.А. Леопард на Западном Кавказе. 1936 г. // Архив Кавказского государственного заповедника. Майкоп, ул. Советская, 187. Рукопись. Инв. № 116.
7. Насимович А.А. Барс на Западном Кавказе // Природа и социалистическое хозяйство. № 8. 1941. С. 22 – 25.
8. Динник Н.Я. Звери Кавказа. Часть 2. Хищные // Записки Кавк. отд. Русск. геогр. общ. Книга 27. М., 1914. С. 247 – 536.
9. Котов В.А., Рябов Л.С. Промысловые и ценные млекопитающие предгорных и горных районов Краснодарского края // Труды Кавказского государственного заповедника. Вып. 7. Майкоп, 1963. 238 с.
10. Шаффер М. Минимальные жизнеспособные популяции: как быть с неопределённостью? // Жизнеспособность популяций. Природоохранные аспекты / Под ред. М. Сулея. М.: Мир, 1989. С. 93 – 117.
11. Кудактин А.Н. Современное состояние популяций крупных хищников на Кавказе // Оценка экологического состояния горных и предгорных экосистем Кавказа / Ассоциация ООПТ Северного Кавказа и Юга России: Сб. науч. тр. Ставрополь: Кавказский край, 2000. С. 183 – 197.
12. Семёнов У.А. «Центр восстановления леопарда на Кавказе» – стратегия реинтродукции. Труды Сочинского национального парка. Вып. 10. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2016. 110 с.
14. Уилкоккс Б.А. Островная экология и охрана природы // Биология охраны природы. М., 1983. С. 117 – 142.
15. Тренет С.А., Ескина Т.Г. Особенности временной динамики популяции благородного оленя (*Cervus elaphus taral*) в Кавказском заповеднике // Зоол. ж-л. 2017. Т. 96. № 1. С. 99 – 105.
16. Тренет С.А., Ескина Т.Г. Соотношение копытных и волка в Кавказском заповеднике // Зоологический журнал. 2018. Том 97. № 2. С. 243 – 251.
17. Тренет С.А., Ескина Т.Г., Бибина К.В. Антропогенная трансформация и перспективы сохранения популяции серны (*Rupicapra rupicapra caucasica*) на северо-западном Кавказе // Зоол. ж-л. 2017. Т. 96. № 4. С. 485 – 492.